

Издатель

ФГБОУ «Петрозаводский государственный университет»
Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

Литературный журнал

Verba

<https://verba.petsu.ru>

Выпуск 3 (№), 2022

Главный редактор

И. В. Львова

Редакционная коллегия

И. В. Львова

Адрес редакции

185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, ул. Ленина, 33.

E-mail: verba@petsu.ru

<https://verba.petsu.ru>

Критика

«Жаворонок в горней высоте»: о рассказе В. Рудака «Высота» (журнал «Север», 2022, № 1-2).

СПЕЛЛЕР Данил

ПетрГУ (Пр. Ленина, 33),
natalia.i.shilova@gmail.com

Местную знаменитость, музыканта Владимира Рудака я впервые встретил в киношколе «Labcinema.space». Меня удивила тогда его особая энергетика и улыбка. Он читал нам, молодым кинематографистам (автору этих строк тогда было 17 лет), лекцию о «жанре» в кино - давней теоретической проблеме киноведения. Лишь потом, значительно позднее, я узнал, что Рудак не только автор культового в узких кругах фильма «Ананас», но еще и известный писатель, автор многочисленных повестей и рассказов, пьесы «Я – слон», которая легла в основу популярного детского комикса. Тем не менее, во всех своих ипостасях, Рудак так и остался для меня «кинематографистом» - т.е. в широком смысле «наблюдателем», как назвала его Яна Жемойтелите в предисловии к сборнику «Вечный сахар» (2010 г.).

Другими словами, Владимиру Рудаку первоочередно важны «ситуация» и «положение». В его новом рассказе «Высота» происходит следующее - на ретроспективе советского кино мужчина разрезает (складной косою!) экран с фильмом А. Зархи "Высота" (1957 г.), пытается попасть назад в советское прошлое, и теперь принудительно находится у психолога, объясняя свой поступок. Всё. Остальное, собственно текстуальное, автор оставляет неизбежным лёгким абрисом - кажется, будто форма одноактной пьесы (в духе опытов Вуди Аллена) шла бы истории куда больше, чем требовательный и сложный в своем существе жанр рассказа.

Впрочем, избегнем советов Автору - этого дурного тона Критики - и будем исходить из того, что есть: Рудак пишет о *ностальгии*, нащупывает то, что лежит буквально на поверхности, на «теле государства»: руины некогда градообразующего Онежского тракторного завода, на которых режиссёр бывал неоднократно и где сейчас располагается дружественный ему творческий кластер с фото- и кино- студиями, очевидно являются «денотатом» текста («Завод большой был. На нем делали тракторы.») – именно на них происходит его действие. Конкретность, впрочем, не важна. Таких заводов по русской земле - тысячи. Стало уже почти «стертой метафорой» уподоблять их обветшалую кирпичную кладку и обгаренные ржавчиной перекрытия артефактам погибшей когда-то Римской Империи – тем более, что та тоже была по-своему «красной»...

Тоска по «Империи», ежели смотреть антропологически - тоска романтическая, тоска о Надличностном, Коллективном, том, что вырывает Человека из его замкнутого, интроспективного бытия, со всеми его тревогами, скукой и невротами, и делает его бессмертным («Я — угрюмый и упрямый зодчий / Храма, восстающего во мгле, / Я возревновал о славе Отчей, / Как на небесах, и на земле» Н. Гумилев). В этом смысле Рудак – романтик, и через его комический, анекдотичный, казалось бы, рассказ проходит тонкой красной нитью (хоть и порой излишне тонкой, отстраненной) эта грусть современного человека и жажда иной, осмысленной жизни – «Да люди за все это когда то бились, не жалея жизни! Они город этот строили! А тут такое безразличие. Полнейшее!».

Отсюда и вынесенная в название «Высота», снятая в рассвет «оттепели», после войны и «свинцовой» дисциплины Сталинской эпохи – «оптимистическая комедия» народа-победителя о созидании «коммунизма с человеческим лицом». Пресловутая «вертикаль» посему (Высота как преодоление горизонтали) имеет и у Зархи и у Рудака очевидную образность «восхождения» и «воспарения» Человека.

Герой рассказа, Алексей Петрович, однако, как я уже говорил лишен романтического ореола и пафоса «конквистадора» или «бедного странника» (Гейне) – он неизбежно, вспоминая кинокартины Рудака, простодушно комичен, как Дон Кихот, и напоминает лирических персонажей братьев Стругацких, из их ранних, тоже, кстати говоря, «отпелных» романов. Тем более, что Рудак внедряет в сюжет фантастические мотивы

(«В одном из подземных кабинетов я нашел телепортационный жилет! Да-да! Тот самый, который вы назвали кольчугой с лампочками. И подробную инструкцию к нему»), которые, впрочем, вторя традиции Пушкина-Гоголя, неочевиды (см. известная дискуссия о «Гробовщике») – мы до конца не узнаем психоз ли это персонажа, или взаправду научная фантастика.

Но это и не важно. В детстве – к чему немного навязчиво подводит Рудак - как писал Достоевский: «за каждым кустом, за каждым деревом как будто еще кто-то жил, для нас таинственный и неведомый; сказочный мир сливался с действительным». И романтическую коллизию рассказ разрешает «исходом в детство», к радостной простоте, спасительному «наиву» (не случайно Рудак еще и детский писатель) - «Отключите снобизм, станьте ребенком», призывает Алексей Петрович своего психотерапевта. Тот соглашается, а вот соглашаться ли читателю – вопрос для каждого открытый. Быть может это примитивный, «инфантильный» расклад для сложного мира, и сложного времени, в котором мы живем. А может - прав был наш великий баснописец Крылов и «ларчик просто открывался». В любом случае – важно набирать «высоту» и подниматься к мечтательным «горним высям».